

В деревянном амбаре, чей возраст амбарный
 немолод,
 Где звезда выбирает, в какую прореху светить,
 Запах свежего хлеба – он только вчера был
 размолот –

И горшок молока, чтобы утром спросонья
 попить;

Где насыпаны яблоки – спелые, сочные – горкой,
 Надкусила – и брызнул тягучий и пенистый сок,
 Где полыни пучок на гвозде, чуть привядшей
 и горькой,

Да сушёной черёмухи полон в углу тусок, –

Там уютнее спать и чудеснее утром проснуться,
 Дотянуться рукой до сухой, поседевшей стены
 И луча запылённого ласково пальцем коснуться
 И продлить расставание с летом, чьи дни
 сочтены.

* * *

А ночь в деревне страшно хороша!
 Вот именно, что страшно,
 несравнимо
 Ни с чем, и восхищается душа
 Мистически-пугливо и ранимо,
 Когда все звёзды, сбившись в Млечный Путь,
 В созвездия рассыпавшись и розно,
 Опустятся, посверкивая чуть,
 И так глядят, таинственно и грозно,
 Из врат развёрстых вечной, мрачной тьмы,
 И космос над деревнею клубится,
 И не понять – где небеса, где мы,
 И бездна дышит прямо в наши лица.

* * *

Вот фотографии военные.
 На них, ещё не убиенные,
 На фоне дыма и огня
 Заснята вся моя родня.

Они, кто ныне упокоены,
 Все были пахари – не воины.
 Хранит их память много лет.
 А мирных фотографий нет.

* * *

Знаю, не вечно продлятся они –
 Эти пронзительно-светлые дни.
 Но, доверяясь ладоням твоим,
 Радуюсь,
 радуюсь,
 радуюсь им!

И почему-то не боязно мне.
 Так, догорая в последнем огне,
 Осень, красу на погибель неся,
 Светится,
 светится,
 светится вся!

* * *

Дорога в позёмке – река с поперечным
 течением,
 Сугробы обочин – покруче любых берегов.
 Вечерней порою всё смыслом полно
 и значением.
 Легко затеряться, исчезнуть средь этих снегов.

Ни звука, ни следа, и так далеко до чего-нибудь!
Но близко до неба. До ночи. До крайних
пределов души.
И видно, как свет незакатный спускается по небу
Туда, где спасённые души пронзительно так
хороши.

Там отблеск прощальный и мне обещает
прощение.
Но всё-таки, всё-таки,
всё-таки надо идти.
Хотя бы затем, что кому-то моё возвращение
Нужней и желанней, чем мне – окончанье пути.

* * *

Его прожорливому брюху
Она последнюю краюху
И самый лакомый кусок
Всегда безропотно давала,
Сама же часто голодала,
Стянув потуже поясок.

Ни сна, ни отдыха не видя,
Но забывая об обиде,
Дралась и билась за него.
Бывало, что и возмущалась,
Ей возмущенье не прощалось.
Ну что ж, и это не новó.

Она была невыезная,
Но, многих умных слов не зная,
Могла сказать не в бровь, а в глаз.
А ей в ответ – лишь униженье,
За простодушное служенье –
Ей воздалось хотя бы раз?

Моя деревня! Ты без силы,
Ты стала старой, некрасивой,
И впору впрячь надеть суму.
Хочу, чтоб ты не уходила!
Ну чем же так не угодила
Ты государству своему?!

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИЗБА

Изба деревенская скроена ладно,
В ней жарко зимою, а летом прохладно,
И крепко её обнимает плетень.
В окладах икон – самодельные розы,
За ними – подсохшие ветки берёзы,
Их ставят в июне, на Троицын день.

Подушки пышны на высокой кровати,
А в кухне – простая посуда, полаты,
Где можно и днём ненадолго прилечь.
Но главное в кухне – не роскошь убранства,
А символ надёжности и постоянства,
Творение гения – русская печь.

С приданным сундук для взрослеющих дочек,
Клеёнка в цветочек, обои в цветочек,
Полы, что скоблёны, белы и чисты.
И ярко вышивкой радуют взоры
Накидки, платки, занавески, подзоры –
В деревне когда-то любили цветы!

Изба... Она стала седою и старой,
Не выйдет сюда заманить антиквара –
Кого этот памятник предкам прельстит!
Голландка не греет в большие морозы,
Слиняли в окладах бумажные розы...
Лишь ветер печально о вечном свистит.

* * *

Смотри, как берёзки построились в ряд,
Смотри, паутинки на солнце горят,
В зелёной воде отражается ива.
Красиво?
– Красиво!

И в устланной листьями тёплой земле,
И в черновиках на рабочем столе
Уже накопилась весёлая сила.
Красиво?
– Красиво!

Таится в осеннем саду тишина,
Округа покоем и светом полна.
Ты этого счастья у Бога просила?
Красиво?
– Спасибо!

* * *

Ты, пожалуйста, долго живи!
Но о чувствах своих не божись.
Испытательный срок у любви –
Это целая жизнь.

А когда мы исчезнем с земли,
Пусть увидят в стихах между строк,
Как мы выдержать вместе смогли
Испытательный срок.

МАМИНО ЗЕРКАЛО

Ах, эти таинственные зеркала,
Конечно, вы многое помните!
Нигде я красивой такой не была,
Как в зеркале в маминой комнате.

И вовсе не важно, что было потом,
Как жизнь берегла и коверкала.
Однажды сестра в деревенский мой дом
Повесила мамино зеркало.

На что-то надеясь, о чём-то скорбя,
Слезами его оросила я.
Но в нём не узнала иную себя –
Усталую и некрасивую.

Не только ведь молодость красила нас,
Наполненных вешними силами.
Лишь в зеркале маминых любящих глаз
Мы были такими красивыми!

* * *

Ты бродил по дорогам забытых времён,
Ты просеивал пальцами шёпот столетий,
В биваках и стоянках всех орд и племён,
О, какими ты солнцами был опалён,
О, к каким родникам принимал на рассвете!

Я от родичей древних была далека,
Я не знала, что больно для них и что свято.
Но сводила мне пальцы вода родника,
И на вкус лебеда оставалась горька,
И вскипала поверхность земли под лопатой!

Я узнала тебя! От последних времён
Проведи по своим заповедным дорогам.
Глубина не пугает того, кто влюблён.
Как приходом твоим этот век оживлён!
Новый век, но и тот, что уже за порогом.

РУССКАЯ БАБА

Мужик опять в загуле,
А было – гладь да тишь.
Но, как грозу в июле,
Загул не отворишь.

Терзают детки-бедки,
А ты им песни пой!
...Ночуешь у соседки –
У мужика запой.

И будешь бестолково
Побитое латать,
Любя его такого,
Каким он мог бы стать.

Его же песня – спета!
Он будет пить и злеть.
А ты его за это –
Жалеть, жалеть, жалеть...

* * *

Я верю простому печному огню,
Печальную музу из дому гоню,
Довольно печалей на свете!

Но светлая муза не явится мне,
И радости искорки тают в огне,
Да радость ли – искорки эти?

Не стоят и строчки вражда и война.
Душа нестареющей болью полна,